

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВѢДОМОСТИ.

15 Іюля

№ 14.

1866 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года. Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух. Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

Высочайшая грамота.

Двора Нашего Гофмейстеру, Сенатору, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, Графу *Димитрію Толстому*.

Въ воздаяніе отлично-ревностной службы вашей и полезныхъ трудовъ, по исполненію лежащихъ на васъ важныхъ обязанностей, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ Кавалеромъ *Св. Равно-Апостольнаго Князя Владимира 2-й степени*, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ ИМПЕРАТОРСКОЮ милостію Нашею благосклонны.

На подлинной собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ

27 Марта 1866 г.

(Изъ Сенат. Вѣдом. № 50)

О назначеніи викарія въ казанскую епархію.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, въ вѣденіи своемъ, сообщилъ Правительствующему Сенату о Высочайше утвержденномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ въ 11-й день Мая сего года, всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода, о бытіи епископомъ Чебоксарскимъ, викаріемъ Казанской епархіи настоятелю состоявшей въ Римѣ миссіи нашей Архимандриту *Гурію*.

О преподаніи благословенія св. Синода за пожертвованія въ пользу церквей и духовенства Тамбовской епархіи.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, вслѣдствіе ходатайства Его Преосвященства Преосвященнаго Θεодосія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго, опредѣленіемъ своимъ постановилъ: всѣмъ поименованнымъ въ представленной Его Преосвященствомъ вѣдомости лицамъ, сдѣлавшимъ въ 1865 году значительныя пожертвованія въ пользу монастырей, церквей и причтовъ Тамбовской епархіи — преподать благословеніе Святѣйшаго Синода, за ихъ усердіе къ храмамъ Божиимъ и св. обителямъ и за благопопечительность о пользахъ причтовъ.

Въ вышеупомянутой вѣдомости были показаны слѣдующія лица:

1) Помѣщица села Малыхъ Куликовъ Моршанскаго уѣзда, *Графиня Софья Ивановна Борхъ*,—на устройство новаго иконостаса въ приходской церкви означеннаго села деньгами 1000 руб., и церковной утвари на 150 руб., а всего на 1150 руб.; 2) помѣщики села Новопокровскаго Тамбовскаго уѣзда, *Князь Волконскіе* и бывшіе ихъ крестьяне тогоже села, на возобновленіе ветхостей въ приходской ихъ церкви, пожертвовали:—первые 420 руб., и 24 десятины земли на трехлѣтнее пользованіе церкви,—а послѣдніе 320 руб.; 3) помѣщица села Борщевки Тамбовскаго уѣзда, изъ дворянъ дѣвица *Анна Федо-*

рова *Урннжеская*, на устройство новаго иконостаса и другія усовершенствованія въ приходской церкви того села пожертвовала 1000 руб., 4) помѣщица села Большой Липовицы тогоже уѣзда вдова Титулярная Совѣтница *Пелагея Николаева Урютина*, на устройство третьяго престола въ приходской церкви и снабженіе онаго утварью, пожертвовала 1000 руб., а въ пользу причта того села, за поминъ ея родныхъ, для вѣчнаго обращенія изъ процентовъ внесла въ Государственный Банкъ 500 руб., а всего 1500 руб.; 5) вдова, купчиха г. Усмани *Екатерина Григорьева Дубовикова*, на покупку колокола въ приходскую Николаевскую церковь, вѣсомъ въ 124 пуда 26 ф. 2,305., р., 6) помѣщикъ села Подболотья Елатомскаго уѣзда Надворный Совѣтникъ *Сергій Федоровъ Бѣлкинъ* пожертвовалъ церковной утвари въ приходскую церковь того села на 430 руб., 7) Борисоглѣбскій 2-й гильдіи купецъ *Егоръ Гавриловъ Домовъ* въ Покровскую церковь тамошняго тюремнаго замка пожертвовалъ церковной утвари на 489 руб., 62 к.; 8) г. Моршанска 2-й гильдіи купецъ *Григорій Рязановъ*, въ теченіи 6 лѣтней службы своей старостою въ Кладбищенской Федоровской церкви, по донесенію Благодѣянаго, сдѣлалъ пожертвованій на 4672 руб., 9) села Шокши Темниковскаго уѣзда государственные крестьяне, попечитель приходской церкви *Макаръ Ермолаевъ* и церковный староста *Павелъ Александровъ*, кромѣ собранной ими суммы отъ благотворителей на поправку и украшеніе церкви 1529 руб., пожертвовали отъ себя: *Ермолаевъ* 215 и *Александровъ*—703 руб.; 10) Тамбовскій мѣщанинъ *Гаврилъ Ивановъ Казаковъ* въ Тамбовскій Каѳедральный Спасо-преображенскій Соборъ пожертвовалъ три иконы: въ сребро-позлащенныхъ ризахъ на сумму 400 руб.; 11) Титулярный Совѣтникъ *Петръ Казминъ Оедуловъ* въ пользу настоятеля съ братією Шацкой Вышенской пустыни пожертвовалъ два билета внутренняго 5⁰/₁₀₀ съ выигрышами, каждый по 100 руб., на 200 руб.; 12) прихожане Большихъ Алабуховъ Борисоглѣбскаго уѣзда, на приобрѣтеніе Евангелія въ приходскую ихъ церковь пожертвовали 326 руб.; 13) прихожане села Боганье тогоже уѣзда, на приобрѣтеніе св. потира,

въ приходскую свою церковь 186 руб.; 14) заштатнаго г. Кадома мѣщанинъ *Семень Васильевъ Усачевъ*, на возобновленіе иконостаса въ тамошней Соборной Успенской церкви, пожертвовалъ 600 руб., 15) на устройство новой приходской церкви въ селѣ Малой Моршкѣ Маршанскаго уѣзда, вмѣсто сгорѣвшей въ 1864 году, были жертвователями: а) управляющій имѣніемъ Г. Фитингофъ, *Федоръ Федоровъ Стальтинъ* 235 руб., б) временно-обязанные крестьяне тогоже помѣщика—а) *Максимъ Мистрюковъ* 120 руб., б) *Иванъ Жигалинъ* 125 руб. в) *Никифоръ Колдашевъ* 125 руб. На устройство новаго иконостаса въ Казанской церкви при Тамбовскомъ Архіерейскомъ Домѣ: 16) помѣщикъ села Матренки, Усманскаго уѣзда Маіоръ *Николай Николаевъ Снѣжковъ* 1000 руб., 17) Мировой Посредникъ Моршанскаго уѣзда Штабсъ Капитанъ *Аркадій Алексеевъ Колобовъ* 125 р. 18) помѣщица дѣвица *Александра Николаева Чичерина* 805 руб., 15 к., 19) Надворный Совѣтникъ *Петръ Ивановъ Каменскій* 100 руб., 20) вдова свящ. жена *Евдокія Поликарпова Птицына* 100 руб., 21) Тамб. купецъ *Иванъ Федоровъ Толмачевъ* 100 руб., 22) Тамб. Градскій Голова купецъ *Адрианъ Никитинъ Серебряковъ* 100 руб., 23) Тамб. купецъ *Федоръ Федоровъ Гнусовъ* 100 р., 24) Тамб. купецъ *Андрей Михайловъ Носовъ* 150 руб. 25) Тамб. купецъ *Григорій Артамоновъ Аванасьевъ* 100 руб., 26) Тамб. купецъ *Михаилъ Степановъ Ашурковъ* 106 руб. 27) Тамб. купецъ *Василій Михайловъ Аносовъ* 100 руб., 18) Тамб. купецъ *Иосифъ Михайловъ Свинцынскій* 100 руб., 29) Тамб. купецъ *Семень Андриановъ Сорокинъ* 100 р.; 30) Титулярный Совѣтникъ *Иванъ Герасимовъ Герасимовъ* 100 р. 31) помѣщица *Надежда Николаева Бѣлостоцкая* 150 руб., 32) Липецкій купецъ *Алексій Петровъ Хрѣнниковъ* 200 руб., 33) Мировой Посредникъ, Моршанскаго уѣзда 3-го участка, Баронъ *Алексій Александровъ Фитингофъ* 993 руб., 34) Тамб. помѣщица дѣвица *Александра Александрова Беклемишева* 100 руб., 35 к.); помѣщикъ Моршанскаго уѣзда Маіоръ *Иванъ Егоровъ Семенихинъ* 150 руб.—

II

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

О церковныхъ библіотекахъ.

Его Сіятельство, Господинъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, въ циркулярномъ отношеніи своемъ отъ 21 минувшаго Апрѣля, сообщилъ Его Преосвященству на благоусмотрѣніе слѣдующія соображенія:

«Въ отчетѣ Преосвященнаго Подольскаго о состояніи ввѣренной ему Епархіи за 1864 годъ упоминается, между прочимъ, что, по сдѣланному имъ распоряженію, при всѣхъ церквахъ учреждаются, по мѣрѣ возможности, библіотеки.

Нельзя не сочувствовать этому учрежденію, которое доставитъ священнослужителямъ возможность расширить богословскія познанія, слѣдить за духовною литературою и поучать своихъ прихожанъ. Поэтому, кажется, было бы полезнымъ и повсемѣстно, по мѣрѣ средствъ, распространить такое учрежденіе.»

По справкѣ оказалось, что и въ Тамбовской Епархіи, вслѣдствіе особаго распоряженія Епархіальнаго Начальства, бывшаго въ 1860 году, вмѣнено въ обязанность духовенству, съ тою же именно цѣлю, заботиться объ учрежденіи библіотекъ какъ общихъ въ каждомъ благочиніи, такъ и частныхъ при церквахъ и объ увеличеніи оныхъ ежегодно, по мѣрѣ имѣющихся средствъ.

Вслѣдствіе сего Тамбовская Д. Консисторія, съ утверженія Его Преосвященства, по сему случаю, снова подтверждаетъ духовенству Тамбовской Епархіи о поддержаніи учрежденныхъ при церквахъ библіотекахъ.

Опредѣленіе, увольненіе и перемѣщеніе священно- служителей.

Села Теплаго Лебедянского уѣзда священникъ Семень Архангельскій померъ. На мѣсто его опредѣленъ безмѣстный священникъ Андрей Глазуновъ.

Села Казованья Тамбовскаго уѣзда священникъ Стефанъ Малининъ, согласно прошенію, перемѣщенъ Козловскаго уѣзда въ село Чурюково къ новостроющейся церкви; а на мѣсто его опредѣленъ безмѣстный священникъ Петръ Соколовъ.

Села Новочеркутина Усманскаго уѣзда священникъ Капитонъ Боганскій померъ. На мѣсто его, для поддержанія семейства, согласно прошенію, перемѣщенъ зять его изъ села Богословскаго Кирсановскаго уѣзда священникъ Михайль Благодаровъ. Въ село Богословское перемѣщенъ, согласно прошенію, изъ села Умета тогоже уѣзда священникъ Василий Щеголевъ. Въ селѣ Уметѣ священническое мѣсто предоставлено студенту Семинаріи Гавріилу Воскресенскому.

На діаконское мѣсто въ село Избищи Лебедянскаго уѣзда, числившееся за сиротою, дочерью діакона Пѣсногѣвцева, опредѣленъ, со взятіемъ ея, уволенный изъ средняго отдѣленія ученикъ Константинъ Виряевъ.

Г. Моршанска Вознесенской церкви священникъ Теодоръ Воздвиженскій померъ. На мѣсто его во священника къ сей церкви, со взятіемъ въ замужество дочери его, назначенъ окончившій курсъ Семинаріи студентъ Павелъ *Шановаленко*.

Лебедянскаго уѣзда села Теплаго священникъ Семень Архангельскій померъ. На мѣсто его опредѣленъ безмѣстный священникъ Андрей Глазуновъ; а двое малолѣтнихъ дѣтей Архангельскаго приняты въ учебныя заведенія на казенное содержаніе.

Села Кирпиллова Спасскаго уѣзда священникъ Іоаннъ Реморовъ, согласно прошенію, по преклонности лѣтъ, уволенъ за штатъ, на мѣсто его назначенъ сынъ его, окончившій курсъ Семинаріи студентъ Василий Реморовъ.

Діаконы сель: Моршанскаго уѣзда Парскаго Угла Даниль Кастальскій и Козловскаго уѣзда Верхнихъ Пупокъ Николай Лавровъ, по распоряженію Начальства, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

Діаконъ села Большой Грибановки Борисоглѣбскаго уѣзда Калининъ Грибановскій, согласно прошенію, по слабости здоровья, уволенъ заштатъ. На мѣсто, его, со взятіемъ дочери его, опредѣленъ уволенный изъ нисшаго отдѣленія Семинаріи ученикъ Петръ Островъ.

Преподаніе благословенія и изъявленіе благодарности.

По ходатайству Благочинныхъ: діакону села Альховъ Шацкаго уѣзда за 6-ти лѣтнее усердіе и безмездные труды, по содержанію открытой имъ въ своемъ приходѣ школы для обученія крестьянскихъ дѣтей, заключающей до 50 мальчиковъ, преподано отъ Его Преосвященства благословеніе Божіе, со внесеніемъ въ послужной его списокъ: священникамъ Уманскаго уѣзда сель: Телелюя Димитрію Бѣльскому, Дрязговъ Елисею Сабурову, Савицкаго Фотію Несмѣлову и бывшаго? города Демшинска Михаилу Кедрину, за усердное ихъ проповѣданіе христіанскаго ученія, и священнику Моршанскаго уѣзда села Малой Моршки Петру Никольскому, за ревностное его попеченіе объ устройствѣ новаго въ приходѣ храма, вмѣсто сгорѣвшаго — изъявлена отъ Его Преосвященства благодарность, со внесеніемъ оной въ ихъ формулярные списки.

III

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВОЗЗВАНІЕ

**Трипольскаго (*) Митрополита Софронія съ
его паствою къ сынамъ единовѣрной Пра-
вославной Россіи.**

По всемилостивѣйшему соизволенію Его Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора, братской любви и благословенію Святѣйшаго, Правительствующаго Всероссийскаго Синода, мы получили давно желанное разрѣшеніе послать въ Россію одного изъ сослужителей нашей вѣры, для сбора добротныхъ пожертвованій. Съ этою цѣлью и общаго согласія, мы отправили протоіерея нашего кафедральнаго собора Іакова Сури. Надѣмся, что и всѣ Русскіе, вслѣдъ за своимъ Монархомъ и благоизбранными отцами Синода, отвѣтятъ не холодностью на наши мольбы и просьбы, а братскимъ соучастіемъ въ нашихъ нуждахъ.

Подлинно, только настоятельныя нужды нашего города могли вызвать насъ на подобную рѣшимость; желаніе спасти жизнь во время пронесшейся надъ Востокомъ кровавой грозы Турокъ и Друзовъ стоило намъ нашихъ имуществъ и собственности: мы вынуждены были пожертвовать всѣми нашими имѣніями, чтобы этимъ средствомъ сохранить подвергшіяся разоренію, но не павшія убѣжища въ нашемъ городѣ. *Мы остаемся совершенно безъ средствъ и не можемъ продолжать постройки заложеннаго у насъ храма.* Кому неизвѣстно, какъ глубоко страдаетъ бѣднякъ, когда у него нѣтъ куска хлѣба, чтобы утолить мучительный голодъ? Кто опять не согласится,

(*) Городъ Триполи лежитъ при Средиземномъ морѣ, между Лаодіею и Бейрутомъ, близъ стараго Іерусалима.

что не менѣе, если еще не болѣе, страдаютъ народъ и городъ, когда они лишены средствъ питаться отъ трапезы божественныхъ истинъ? Тотъ и другой голодъ равно вынуждаютъ страждущихъ взывать и вопіять о помощи къ тѣмъ, на которыхъ есть хотя малая надежда.

Вамъ однимъ, сыны православной и богохранимой Россіи, съ нашимъ просительнымъ гласомъ, однимъ вамъ, какъ способнымъ понимать, повѣдаемъ наши религіозныя нужды и духовныя скорби; у однихъ васъ, именемъ Иисуса Христа, Подвигоположника общей вѣры нашей, просимъ помощи нашему убожеству и нищетѣ. А они велики и ужасны! Отвратить ихъ заставляютъ насъ наше нравственное спокойствіе, наша духовная цѣлость. Пропаганда иновѣрія, съ каждымъ днемъ, глубже и глубже пускаетъ свои корни въ православномъ городѣ и народѣ нашемъ; ученые и искусные въ словѣ проповѣдники ея, какъ нѣкогда морскія сирены, ласкаютъ слухъ простодушныхъ и увлекаютъ сердца неопытныхъ,—какъ волки, пустошатъ и сокращаютъ число нашего православнаго общества. Больно и тяжело становится предстоятелю Церкви, пастырю душъ христіанскихъ, когда онъ смотритъ на то, какъ члены его паствы, прежде изъ одной чаши завѣта вкушавшіе тѣла и крови Христовой,—теперь, удаляясь общенія съ нимъ, идутъ въ иное стадо, къ инымъ пастырямъ. Не менѣе, разумѣется, грустно и горько и роднымъ, отцу съ матерью, переносить такіе случаи, когда ихъ дѣти, какъ бы забывъ естественный съ ними союзъ плоти и крови, отрекаются отъ тѣхъ внушеній св. Вѣры, въ которыхъ съ дѣтства воспитали ихъ родители и которымъ сами они обязались быть вѣрными до гроба и смерти. Юное сердце дитяти, мягкое какъ воскъ, скорѣе и легче пропитывается заразою иновѣрія и иномыслія; понятно, какъ велики должны быть эти потери для нашего православнаго общества. Описывать и оплакивать ихъ можно только словами видѣннаго пророкомъ свитка, *въ немже вписано было рыданіе, и жалость, и горе* (Езек. 11, 10). Врожденное человѣку чувство любознательности и развитія, пробивающееся у дѣтей, особенно помогаетъ здѣсь инославной пропагандѣ:

иновѣрные школы и училища, разбросанныя по всему Востоку — вотъ главная сила успѣшнаго разлива у насъ иновѣрїа, которое силится въ конецъ затопить наше Православїе. При всемъ желанїи борьбы, у насъ нѣтъ силъ противостоять этому: мы богаты только простотою вѣры. Но сберегать и воспитывать и это достоянїе, до мѣры исполненїа Христова, — для насъ дѣло трудное и почти невозможное. Одинъ мѣстный каедральный храмъ нашъ, который, за неимѣнїемъ училищъ, долженъ служить единственною школою вѣры и благочестїа для всѣхъ — малыхъ и возрастныхъ, такъ малъ въ своемъ объемѣ и тѣсень, что биткомъ наполнить его можно нѣсколькими десятками человѣкъ. А у насъ не сотни, а тысячи вѣрующихъ. Значить, большая часть нашей паствы, вслѣдствїе этого, или вовсе должна оставаться дома въ самые великіе и приснопамятные дни христіанскихъ празднествъ, или идти въ церковь за тѣмъ, чтобы въ нестройной массѣ толпиться около храма, стараясь услышать иногда и понять вылетающїе изъ него звуки. Нечего и говорить, съ какими явленїями соединяется искреннее желанїе пришедшихъ молиться, сложить свои мірскїя скорби у подножїа Христова престола и быть участниками общаго богослуженїа...

Снѣдаясь безутѣшною скорбью о такомъ жалкомъ состоянїи нашего города по отношенїю къ главному въ жизни — къ Вѣрѣ, мы прибѣгаемъ къ испытанному великодушїю и помощи Русскихъ, братїй намъ по вѣрѣ, какъ послѣдней нашей надеждѣ; вѣримъ и надѣемся, что они войдутъ въ наше, поистинѣ, горькое положенїе, вполне раздѣлять съ нами его тяготу. И скудныя лепты подаенїй послужатъ къ великому духовному обогащенїю страны и города, освященныхъ нѣбогда Божественными стопами Самаго Основателя и Совершителя нашей Вѣры (*). Если не мы — люди немощи — нашими молитвами, то Онъ Своею благодатїю воздастъ дань благодаренїа,

(*) Мѣстное народное преданїе считаетъ Триполь въ числѣ десяти городовъ, которыми проходилъ нашъ Божественный Спаситель, съя слово истины и Евангелїа.

какъ Самъ сказалъ; *понежь сотвористе единому братіи Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 40). Имена жертвователей будутъ написаны на стѣнахъ храма и училищъ, на сооруженіе и устройство которыхъ мы обратимъ собранныя поданія. Громче и внятнѣе, чѣмъ похвалы нашихъ устъ, они будутъ говорить нашему отдаленному потомству о безмѣрной щедрости и состраданіи русскаго народа къ чужимъ, по крови и плоти, но роднымъ по духу и существу Вѣры жителямъ Триполи. Предполагаемый и уже заложенный храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія и предполагаемыя школы дадутъ русскимъ жертвователямъ полное право называться полными споспѣшниками нашего духовнаго обновленія и силы, а намъ и нашимъ потомкамъ будутъ вдыхать чувства сердечной благодарности и живой памяти о нихъ. Узы Вѣры скрѣплятся видимыми узами взаимной признательности и благожеланія.

Протоіерей Трипольскаго Каѳедральнаго Собора *Іаковъ Сури*, пріѣхавшій для сбора, мѣстожителство имѣеть въ Александроневской Лаврѣ, въ зданіи за соборомъ, и проситъ покорнѣйше господъ благотворителей адресовать свои пожертвованія по сказанному адресу,

На семь воззваніи резолюція Его Преосвященства послѣдовало таковая: «Консисторія сдѣлаеть распоряженіе, съ приглашеніемъ оказать просимое пособіе бѣдствующей единовѣрной христіанской общинѣ; при семъ прилагается отъ меня двадцать пять рублей.»

Вслѣдствіе сего Тамбовская Духовная Консисторія постановила: означенное воззваніе съ резолюціею Его Преосвященства припечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, съ тѣмъ чтобы благочинные, и также настоятели и настоятельницы монастырей, пригласили подвѣдомыхъ духовныхъ лицъ и другихъ извѣстныхъ имъ христіанскою благотворительностію, и имѣющія поступать къ нимъ пожертвованія на сей предметъ отсылали прямо отъ себя *по адресу, на имя протоіеря Іакова Сури, въ Александроневскую Лавру.*

ВОЗЗВАНІЕ ОТЪ ПРАВОСЛАВНОЙ МИТРОПОЛІИ МЕСОПОТАМСКОЙ ВЪ АЗІИ.

Митрополія месопотамская, заключающая въ себѣ земли, лежащая между двумя знаменитыми рѣками Тигромъ и Евфратомъ въ Сиріи, была отечествомъ отца вѣрующихъ, Авраама,—по вознесеніи Господнемъ была мѣстомъ проповѣди св. апостола Гуды, наименованнаго Өаддеемъ, и въ первыя времена христіанства святая вѣра распространилась по всѣмъ областямъ этой митрополіи, процвѣтая и принося добрые и благоуханные плоды, созрѣвшіе изъ многоцѣнной крови безчисленнаго множества святыхъ мучениковъ и дивныхъ подвиговъ св. великихъ отцовъ и преподобныхъ.

Съ появленіемъ магометанскаго лжеученія, свирѣпныя полчища магометанъ завоевали эти области, и тяжело легло на вѣрующихъ иго варваровъ, которые силою меча и разнообразными жестокими, невыносимыми мученіями принуждали христіанъ къ принятію магометанства. Отъ долговременнаго непрерывнаго гоненія вѣрующіе пришли въ плачевное, ужасное состояніе; число ихъ стало время отъ времени уменьшаться, церкви и монастыри были частію обращены въ мечети, частію разрушены до основанія, а митрополіи, епископіи и множество городовъ, селъ и деревень исчезли совершенно и превратились въ пустыню, не оставя послѣ себя никакихъ слѣдовъ, кромѣ слѣдующихъ городовъ, уцѣлѣвшихъ въ месопотамской митрополіи: Муссила, Вавилона, Амида, по-турецки Діарь-бекирь, лежащихъ на берегахъ Тигра, Эдессы, бывшей столицы царя Авгаря, котораго Господь исцѣлилъ отъ болѣзни чрезъ посланіе къ нему чуднаго плата съ Своимъ нерукотвореннымъ ликомъ, гавани, называемой Пира, или Пиражикъ, при берегахъ Евфрата, между городами Алепо и Эдессой и, наконецъ, города Агина (что значить источникъ), стоящаго на берегахъ Евфрата. Къ вышеупомянутымъ горо-

дамъ относится много провинцій съ селами и деревнями, населенными множествомъ христіанъ разныхъ вѣроисповѣданій, какъ то: армянъ, сиріанъ-яковитовъ и несторіанъ. Въ послѣдніе два вѣка многіе изъ нихъ посредствомъ западныхъ миссіонеровъ присоединились къ западной или римской церкви и въ послѣдствіи привлекли къ ней православныхъ, остававшихся въ сей митрополіи; а въ недавнее время нѣкоторые изъ трехъ послѣднихъ вѣроисповѣданій сдѣлались послѣдователями Кальвина, и такимъ образомъ православіе почти исчезло въ месопотамской епархіи.

Но всеблагій, Божественный Промыслъ не попустилъ, чтобы сѣмя Евангельскаго ученія, посѣянное св. апостоломъ Фаддеемъ и орошенное труженическимъ потомъ его, погибло совершенно, или уступило мѣсто плевеламъ и волчцамъ. Смотрѣніе Божіе не предало забвенію вѣру св. Іакова, митрополита низивійскаго, и другихъ св. подвижниковъ и мучениковъ, проліявшихъ кровь свою ради сохраненія истинной вѣры, равно молитвы и ходатайства св. безсребренниковъ Космы и Даміана и множества святыхъ, скончавшихся въ тѣхъ областяхъ православной вѣры. Всеблагій Господь благоволилъ осіять Своею благодатію одного изъ архіереевъ греко-уніатскаго вѣроисповѣданія, Макарія митрополита амидійскаго и месопотамскаго, родившагося и воспитавшагося въ сирійскомъ городѣ Алеппо. Послѣ долговременнаго упражненія въ чтеніи книгъ св. Писанія и св. отепъ, Духъ Святой, управляющій своею церквонъ поковію, даровалъ митрополиту Макарію найдти истинное сокровище святой, православной вѣры. Отъ своей радости шель и продалъ все свое имѣніе и купилъ это сокровище; но не желая скрыть его только для самаго себя, онъ постепенно посѣявалъ его въ сердцахъ духовныхъ дѣтей своей паствы и при помощи всесвятаго Духа присоединилъ ихъ къ тѣлу истинной православной церкви, за исключеніемъ малаго числа душъ. Въ 1858 году благодать Святаго Духа усыновила православной церкви новыя чада изъ чуждыхъ вѣроисповѣданій, а именно: изъ армянъ и сирояковитовъ.

Божественный Промысл не перестаетъ и доселѣ подкрѣплять насъ надеждою, что при помощи Божіей возвратятся въ лоно истинной церкви еще многіе, въ разныя времена отдѣлившіеся отъ нея. Нынѣ, по предложенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Его Императорское Величество, Благочестивѣйшій Самодержецъ Всероссійскій, движимый высокими чувствами милосердія къ православнымъ христіанамъ Месопотаміи, соблаговолилъ оказать свое Высочайшее соизволеніе на прибытіе митрополита Макарія въ его Православную Россійскую державу, для сбора подаяній въ пользу бѣдствующихъ христіанъ Месопотаміи.

Христіане сей епархіи, въ настоящее время находясь въ самомъ бѣдственномъ положеніи и будучи едва въ состояніи платить дань турецкому правительству, по необходимости должны употреблять все свое время и направлять всѣ свои заботы къ обезпеченію своего внѣшняго благосостоянія, вслѣдствіе сего умственное развитіе этой страны находится въ жалкомъ состояніи.

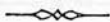
Чтобы помочь православнымъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, настоятъ необходимость во 1-хъ, исправить и возстановить храмы; ибо нѣкоторыя церкви пришли уже въ ветхость; изъ нихъ особенно замѣчательна въ городѣ Амидѣ церковь св. безсребренниковъ и цѣлителей Космы и Даміана, сооруженная при Θεодосіѣ Младшемъ, въ коей находится нынѣ большая часть ихъ честныхъ мощей, чрезъ которыхъ сила Божія не престаётъ творить непрерывно много чудесъ (*). Въ нѣкоторыхъ же селахъ остались однѣ только развалины, такъ что души православныхъ лишены даже и того духовнаго просвѣщенія, которое они могли бы получить при постоянномъ отправленіи богослуженія—чрезъ приношеніе безкровной жертвы. Во 2-хъ нужно открыть школу для преподаванія наукъ духовно-нравственныхъ, куда въ ученики избирались бы по

(*) Часть этихъ мощей митрополитъ Макарій привезъ съ собою въ С. Петербургъ для освященія усердствующихъ.

два челоѣка со всякаго села и деревни, чтобы каждый по окончаніи курса, возвратившись на свою родину, могъ занять мѣсто учителя для своихъ односельцевъ; изъ нихъ же будутъ избираться и священники для преподаванія Слова Божія въ этихъ несчастныхъ странахъ. Такимъ образомъ духовное просвѣщеніе пойдетъ впередъ и православные получаютъ возможность не только узнать и изучать ученіе Православной Церкви, но, при помощи Божіей, побудить и другихъ отвергнуть всякое ученіе, чуждое Православія, и возвратиться въ лоно Православной Церкви.

За всякую лепту, пожертвованную вами, въ пользу вашихъ бѣдствующихъ братій, Господь Богъ вознаградитъ васъ и въ настоящемъ, и въ грядущемъ мірѣ.

Желающіе участвовать въ пожертвованіяхъ въ пользу единовѣрныхъ братій въ Месопотаміи, могутъ адресоваться къ Макарію, Митрополиту амидійскому и месопотамскому въ Александроневскую Лавру.

Б Е С Ъ Д Ы

сельскаго священника къ прихожанамъ.

Вышла пятымъ изданіемъ книга **Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ**. Съ прошедшаго 1865 года редакція нашла необходимымъ дать гораздо болѣе широкое развитіе основной мысли изданія, и еще ближе приспособить его къ современнымъ потребностямъ приходскихъ, особенно сельскихъ, пастырей проповѣдниковъ и прихожанъ ихъ. Редакція питаетъ твердую увѣренность, что такое увеличіе состава изданія соразмѣрено съ развитіемъ и обогащеніемъ внутренняго содержанія и характера его. Она надѣется, что изданныя *бесѣды*, и по своимъ предметамъ, и по характеру развитія и приложенія ихъ, представляютъ такіе готовые, общепригодные и руководительные опыты церковной

проповѣди, какіе ожидаются современнымъ призваніемъ приходскаго, особенно сельскаго пастыря проповѣдника и современными духовными потребностями народа. Для редакціи не остались безъ значенія сочувственные отзывы и ожиданія, заявленныя по поводу четвертаго изданія *Бесѣдъ*, нѣкоторыми органами свѣтской печати. Но все обязательное значеніе имѣли для нея ободрительные отзывы и совѣты нѣкоторыхъ архипастырей нашихъ, а также заявленія приходскихъ священниковъ проповѣдниковъ. Онѣ послѣднихъ редакція имѣетъ положительныя увѣренія, что *Бесѣды* читались ими народу въ церкви при опытномъ удостовѣрѣніи въ полной понятности ихъ и живомъ интересѣ для народа.

Выписывающіе „**Бесѣды**“ адресуются въ Редакцію духовныхъ журналовъ, издаваемыхъ при Кіевской Академіи. Цѣна ПЯТАГО изданія **Бесѣдъ** 1 руб. 50 коп. серебр. Цѣна отдѣльнаго выпуска (24-е новыя бесѣды) 50 коп. сер.

УПРАВЛЕНІЕ ТАМБОВСКАГО УЧИЛИЩА ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

Училищное Управленіе объявляетъ священникамъ Тамбовской епархіи, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ отправить дочерей своихъ отъ 10 до 12 лѣтъ, для образованія, въ училище, на полное содержаніе, съ платою не менѣе 60 руб. въ годъ, и если кто пожелаетъ, то представили бы въ училище таковыхъ дочерей къ 20 Августа сего 1866 года, съ свѣдѣніями о рожденіи и крещеніи и оспопрививаніи.

Съ дозволенія цензуры. 18 Июля 1866 года.

Тамбовъ Пала. Въ Типографіи Гоеуд. Имуществъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

15 июля

№ 14.

1866 года.

Б Е С Ъ Д А

•

С И М В О Л Ъ В Ъ Р Ы.

VI.

Върую во Единого Господа Иисуса Христа распятаго за ны при Понтійстѣмъ Пилатъ, и страдавша, и погребенна.

О комъ это, братіе, говорится въ четвертомъ членѣ символа вѣры?—О томъ же, о комъ говорится во второмъ и третьемъ членахъ символа вѣры,—о нашемъ Господѣ Иисусѣ Христѣ. Сынъ Божій, второе Лице пресвятыя Троицы, для нашего спасенія принявъ плоть нашу на Себя и въ этой плоти умеръ на крестѣ, чтобъ даровать намъ жизнь. Объ этой то крестной смерти Богочеловѣка говорится въ четвертомъ членѣ.

Върую въ распятаго,—т. е. вѣрую, что Иисусъ Христосъ дѣйствительно былъ распятъ; распятъ и страдалъ по плоти, а не по Божеству; Божество не страдало и не умирало, Оно укрѣпляло страждущее тѣло и сообщало спасительную силу страданіямъ Его.

За ны—за насъ. Самъ по себѣ Онъ невиненъ и безгрѣшенъ; но Онъ принялъ на Себя наши грѣ-

Т. II.

хи, грѣхн всего міра, за которые Онъ принесъ въ жертву Богу Отцу Самаго Себя, Свою жизнь.

При Понтійствѣмъ Пилатъ. Это ужасное событіе—распятіе Господа совершилось въ то время, когда въ Іерусалимѣ былъ намѣстникомъ отъ Римскаго императора Понтійскій Пилатъ.

И страдавши, и погребенна. Иисусъ Христосъ до смерти Своей много пострадалъ отъ Іудеевъ, которые жестоко оскорбляли Его; но особенно велико было Его страданіе на крестѣ, къ которому руки и ноги Его были прибиты гвоздями; отъ этихъ жесточайшихъ язвъ Онъ умеръ; послѣ смерти былъ снятъ со креста и похороненъ. Были злонамѣренные люди, которые говорили, что Иисусъ Христосъ не страдалъ на самомъ дѣлѣ, а это только былъ видъ страданія, и будто, Иисусъ Христосъ не былъ распятъ на самомъ дѣлѣ. Это ложь; и Св. Отцы ясно обличили ее и отвергли ложное ученіе, и прямо сказали, что Иисусъ Христосъ былъ распятъ, указали даже время, когда распятъ, именно — при Понтійскомъ Пилатѣ, и погребенъ. Кого же бы это распинали при Понтіѣ Пилатѣ и похороняли, еслибъ на самомъ дѣлѣ ничего такого не было? И еслибъ не былъ на самомъ дѣлѣ распятъ Христосъ, то для чего бы евангелисту Іоанну говорить, что Онъ — Иисусъ Христосъ проподобенъ копіемъ въ ребро? (19, 15)—для чего бы евангелисту Матѳею говорить, что Иисусъ Христосъ проданъ за тридцать сребренниковъ, (26, 15.) и тѣло Его положено въ каменномъ гробѣ (27, 60.), и распятъ Онъ вмѣстѣ съ разбойниками? (38) Для чего бы евангелисту Лукѣ говорить, что Иисусъ Христосъ дѣйствительно воскресъ? (24, 54.) Да,—тогда все, что написано въ святомъ Евангеліи, было бы ложно; а отвергать ученіе Евангельское есть крайнее нечестіе. Конечно, распинатели Іудей,

погибшіе люди, они не узнали Господа и не хотѣли узнать Его, при всѣхъ чудесахъ Его; они не исполняли закона Божія, лицемѣрили; Иисусъ Христосъ, какъ истинный небесный посланникъ, обличалъ ихъ пороки; вотъ, по злости своей, они и распяли Его, не зная, что этою смертію Господь доставитъ спасеніе людямъ, вѣрующимъ въ Него распятаго; такъ Иудей сами отъ себя и погибли. Но здѣсь невольно останавливается мысль на крестной смерти Богочеловѣка. Какое великое таинство совершается на крестѣ! Какая страшная жертва приносится правосудію Божию! Тотъ, *Имже вся быша*, ведется какъ агнецъ на заколеніе! Кто землю на водахъ основалъ, всю вселенную повѣсилъ, такъ сказать, ни на чемъ, самъ повѣшенъ, распятъ на крестѣ! Слава, Господи, долготерпѣнію Твоему! Христіанинъ! Обрати взоръ твой на крестъ и смотри, кто на немъ? У кого это терновый вѣнецъ на головѣ? У кого это ручьями струится кровь по ланитамъ, руки и ноги пробиты гвоздями? Кто это не имѣетъ вида и доброты; лице Его покрыто мертвенною блѣдностію?.. Это нашъ Спаситель и Господь, это Тотъ, во имя Котораго мы называемся христіанами. Ахъ! злодѣи мы; до чего довели своего Господа, до какихъ страданій довели своего Владыку и Творца! Грѣхи наши довели до такихъ страданій Спасителя. Всему міру нужно бы понести позорную смерть за оскорбленіе Божія правосудія; а Онъ, по любви Своей къ намъ, не захотѣлъ этого и Самъ взялъ на Себя грѣхи наши. Какой еще любви ожидать болѣе и кто когда столько возлюбилъ кого? Нѣтъ, взойти на крестъ за оскорбителей, это верхъ всякой любви, которой не имѣютъ и самые Ангелы! *Больши селъ любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13).

Какую же уплату принесемъ Ему съ своей стороны? Чѣмъ возблагодаримъ Его за безконечную любовь къ намъ? Все, что мы имѣемъ на землѣ, земное, не достойно Бога! И такъ ужели послѣ такихъ жестокихъ страданій, которыя потерпѣлъ за насъ Господь нашъ, отъ насъ не требуется никакой жертвы? Нѣтъ, *жертва* наша *духъ сокрушенъ* и смиренъ; съ сокрушеніемъ и смиреніемъ сердца должны мы взирать на крестъ и осуждать себя, какъ виновниковъ смерти Господа; смотря на крестъ, должны сострадать нашему Спасителю, т. е. быть готовыми терпѣть и нести крестъ, назначенный намъ самимъ. Только въ такомъ случаѣ крестъ для насъ будетъ спасительная сила Божія; только въ такомъ случаѣ мы будемъ послѣдователями Распятаго и намъ вмѣнится во спасеніе смерть Его: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мат. 16, 24). *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Что такое-распятіе плоти со страстьми ея? Это значить: изъ любви къ Распятому мы должны отказывать въ требованіяхъ плоти, противвоюющей на нашъ духъ. Напр. духу хочется вознестись въ молитвѣ къ Богу, а плоти хочется спать; кто откажетъ ей во снѣ и обратится къ Богу въ молитвѣ, тотъ распялъ плоть. Если гнѣвъ побуждаетъ кого сдѣлать неприятность врагу, оскорбителю, а онъ вмѣсто мщенія оказываетъ своему врагу какую либо услугу и молится за него, тотъ распялъ страсть гнѣва. — Трудно, точно, для слабой нашей плоти итти за Господомъ со крестомъ своимъ; но на этомъ пути помогаетъ Господь всякому вѣрующему крестомъ Своимъ.

Да, братіе, крестъ отъ распятаго на немъ Господа Иисуса занеметвовалъ не малую силу; и по-

тому достойно чтимъ его со св. церковію. Въ самомъ дѣлѣ, мы, при свѣтѣ Божественной вѣры, ясно видимъ, что пролитая на крестѣ кровь *Иисуса Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоанн. 1, 7),—вполнѣ увѣрены, что крестомъ совершается сила Божія, и опытомъ богомудрыхъ научены, что крестомъ прогоняются демоны; крестъ врачуетъ болѣзни, творитъ чудеса. Какъ же намъ не благоговѣть предъ орудіемъ нашего спасенія? Орудіе, спасшее воина на сраженіи, какъ дорого для него! Хранить онъ его во всю жизнь, съ восторгомъ рассказываетъ, какъ онъ побѣдилъ врага мечемъ своимъ, и въ это время едва не лобызаетъ его. А крестъ есть орудіе нашего спасенія, не временнаго, а вѣчнаго, спасенія отъ врага невидимаго, тайнаго, но постояннаго, сильнаго и весьма опаснаго. Крестъ подъялъ на Себя Господь для нашего спасенія; крестомъ обезсилень, унижень, побѣжденъ исконный нашъ врагъ—діаволь. Потому-то, православные христіане, вѣруя въ Распятаго, будемъ всегда съ вѣрою и благоговѣніемъ поклоняться и животворящему кресту, на которомъ положилъ Свою душу за насъ Господь Иисусъ Христосъ, Спаситель нашъ.—«Да не стыдимся исповѣдывать Распятаго; съ дерзновеніемъ да изображаемъ рукою знаменіе креста на челѣ и на всемъ: на хлѣбѣ, которой вкушаемъ; на чашахъ, изъ которыхъ пьемъ; да изображаемъ его при входахъ, при выходахъ, когда ложимся спать и встаемъ, когда находимся на пути и отдыхаемъ. Онъ великое предохраненіе, данное бѣднымъ въ даръ и слабымъ безъ труда. Ибо это благодать Божія: знаменіе для вѣрныхъ и страхъ для злыхъ духовъ. Потому что посредствомъ онаго *побѣдилъ Онъ ихъ, изведши въ позоръ со дерзновеніемъ*» (Кир. сл. XIII. ст. 36). —

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ
О РЕЛИГІИ ХРИСТІАНСКОЙ.

Изъ Огюста Николя.

III. О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

(Окончаніе)

Чѣмъ глубже вникаешь въ это изъясненіе, тѣмъ очевиднѣе при немъ разъясняются странныя противоположности природы человѣческой. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ, что несчастіе, не больше какъ заблужденіе и порокъ, никогда не могутъ задержать насъ въ томъ жалкомъ унижительномъ положеніи, въ какое низвергаютъ насъ, и сдѣлаться для насъ естественными? Что это ненасытимое желаніе, эта ничѣмъ неудовлетворяющаяся жажда величія и блаженства, никогда не дающія намъ покоя, свидѣтельствуютъ о томъ, что намъ по природѣ принадлежало нѣкогда неизреченно великое блаженство, нами утраченное; съ потерею его въ насъ произошла та бездонная пустота бѣдности и нищеты, которую вотще покушаемся мы наполнить всѣмъ, окружающимъ насъ, и которая всегда напоминаетъ намъ о предметахъ, нами утраченныхъ? Все, сказанное нами во главѣ о *безсмертіи души* для подтвержденія истины, касающейся нашего будущаго, неменѣе того относится и къ нашему прошедшему. Если все говоритъ намъ, что мы призваны къ безконечному блаженству; то это лишь потому, что мы находимъ въ себѣ способность и мѣсто для него; а это самое уже показываетъ намъ, что мы утратили это блаженство и что, стараясь возвратить его, мы стремимся только вступить въ первоначальное наслѣдіе наше. Человѣкъ, при всей бѣдности своей, не то, что бѣднякъ, который всег-

да былъ горемычнымъ бѣднякомъ; нѣтъ, это царь, лишившійся своей власти и состоянія. Въ душѣ своей онъ носитъ постоянное сознаніе своего прежняго величія. По тому способу, какъ онъ наряжается, даже въ своихъ рубищахъ, нетрудно примѣтить, что этотъ нищій носилъ царскій вѣнецъ. Подобно изгнаннику, который жметя у границъ царства, изъ котораго онъ выгнанъ, и всегда готовъ, при первомъ удобномъ случаѣ, возвратиться въ оное, и который, въ ожиданіи этого случая, для утоленія своей печали составляетъ тысячи плановъ относительно своего возстановленія, человекъ,—этотъ изгнанникъ неба, непрестанно, въ продолженіи своей краткой жизни, воздыхаетъ о своемъ возвращеніи и возстановленіи, въ которомъ онъ никогда не отчаевается; среди всѣхъ родовъ бѣдности и униженія, онъ преслѣдуетъ носящуюся предъ его сознаніемъ надежду увидѣть нѣкогда первобытное свое жилище, представляющееся ему, какъ неизмѣнное царство чистоты и истины, правды и блаженства, и всѣ пути ведущіе къ нему онъ осаждаетъ своими изслѣдованіями всего того, въ чемъ проявляется истина и достоинство, добро, красота и безсмертіе; это—науки, изящныя искусства, добродѣтель, и особенно религія. Даже и тогда, какъ онъ по причинѣ позорнаго униженія своего существа представляется или болѣе уклонившимся отъ мысли о своемъ возвращеніи, онъ еще остается въ зависимости отъ духа той же мысли, и вслѣдствіе того здѣсь, на землѣ, въ жалкихъ цдолахъ суетности и страстей своихъ находитъ для себя какое то мнимое безсмертіе, какое то воображаемое небо, какой-то грубый эдемъ, что все, при его превратныхъ понятіяхъ, какъ бы замѣняетъ для него нѣкоторымъ образомъ истинное безсмертіе, истинное небо и блаженный эдемъ, о ко-

торыхъ онъ утратилъ уже и память. Въ этомъ положеніи онъ походитъ на жену Гектора, о которой говоритъ *Виргилій*, что она по разлукѣ съ своимъ мужемъ, по закону побѣдителя проданная въ рабство, обманомъ услаждала вдовство своей великой души, представляя себѣ въ землѣ изгнанія скудныя и слабыя подобія отечественной земли: мнимый *Симонсъ*, пересохшій *Ксановъ*, малую *Трою*, небольшіе образы высокихъ и величественныхъ башенъ *Пергама* (*).

Такимъ образомъ *паденіе* и *возстановленіе* составляютъ какъ бы два полюса, между которыми вращаются всѣ тайны природы человѣческой. «Въ духѣ человѣческомъ есть два стремленія, такъ же противоположныя между собою, какъ силы притяженія и отталкиванія въ мірѣ физическомъ,» говоритъ женщина, которая свѣтлымъ созерцательнымъ умомъ своимъ гораздо прежде проникла въ бездну сердца человѣческаго; «и онѣ соотвѣтствуютъ двумъ мыслямъ о паденіи и объ усовершенствованіи. Можно сказать, что мы въ одно и то же время испытываемъ и грустное сожалѣніе о какой-то прекрасной долѣ, которая досталась было намъ незаслуженно, и надежду будущаго благополучія, которое мы можемъ приобрѣсть подъ условіемъ собственныхъ трудовъ и усилій, такъ что ученіе объ усовершенствованіи и ученіе о золотомъ вѣкѣ, соединяясь и сливаясь между собою, разомъ возбуждаютъ въ сердцѣ и печаль объ утраченномъ и ревностное желаніе возвратитъ потерю.» (**)

(*) *Aeneid. lib. III.... Falsi Simoentis ad undam
Libabat cineri Andromache....
Parvam Troiam, simulataque magnis
Pergama, et arentem Xanthi cognomine rivum.*

(**) *Madame de Staël; De l'Allemagne, chap. du Christianisme.*

Но такая мысль объ усовершенствованіи, которое, по мнѣнію госпожи Сталь, сходно съ силою отталкиванія, существенно отличается отъ мысли о паденіи, которое ею также сравнивается съ силою притяженія. Существенная разность здѣсь та, что паденіе, какъ само собою понятно, зависитъ отъ преступной природы человѣческой, между тѣмъ какъ усовершенствованіе есть дѣло сверхъестественной помощи и необходимо предполагаетъ милосердное посредничество Божества. Говоря это, я не думаю излагать догматъ; а только желаю всегда обращать вниманіе къ изслѣдованію фактовъ, къ историческимъ и психологическимъ наблюденіямъ надъ природою человѣческою.—Къ этому, дѣйствительно, заключенію и приводитъ та великая истина психологическаго наблюденія, которая высказана Эврипидомъ и Овидіемъ, что, не смотря на всѣ наши усилія дать добру господствующую въ насъ власть, какая то несчастная склонность увлекаетъ насъ на путь зла, и мы сами собою не можемъ исправиться. Поэтому-то древніе, и особенно Гомеръ и Платонъ, почти на каждой страницѣ, открыто высказывали, что мудрости надобно просить у боговъ, и безъ ихъ помощи пріобрѣсть ее невозможно. А это есть сверхъестественная помощь, которой добродѣтель никогда не была лишаемая, если только была того достойна по своимъ усиліямъ и молитвамъ.

Но эта небесная помощь, никогда неоставлявшая человѣка вообще, даже непосредственно съ первой минуты его паденія, дарована была міру во всей своей возродительной силѣ и дѣйственности только *Тѣмъ*, въ *Комъ* должны были получить благословеніе и освященіе *всѣ народы земные*, по древнѣйшему обѣтованію, данному первымъ человѣкамъ. Историческое наблюденіе надъ

природою человѣческой также со всею ясностію оправдываетъ эту истину. Со времени происхожденія обществъ человѣческихъ и до образованія Римской имперіи природа человѣческая постоянно клонилась къ упадку. Сила тяготѣнія всегда брала верхъ надъ силою отталкиванія. Было здѣсь, конечно, и движеніе впередъ (прогрессъ), но движеніе по пути заблужденія и порока. Во весь этотъ первый періодъ всеобщей исторіи человѣчества что возрастаетъ, какъ не многобожіе, необузданное господство чувственности, постыдная язва рабства со всѣми видами разврата и жестокости, какъ не эти предсмертныя судороги и самая смерть рода человѣческаго? Все это уже мы видѣли и бесполезно было бы обращать опять взоры къ тойже картинѣ, которую начертили въ концѣ предыдущей книги. На оборотъ, съ того времени какъ на эту землю проклятія ступилъ *Тотъ, Кто долженъ быть посланъ*, и особенно послѣ того, какъ Онъ окропилъ ее своею кровію, не видимъ ли, какъ стремленіе къ добру явственно беретъ перевѣсъ надъ склонностію ко злу, природа человѣческая восстанавливается, и, сколько она ни была всецѣло разслаблена, сокрушена, умирающа подъ тяжестію собственныхъ развалинъ и обломковъ, не видимъ ли, какъ она выступаетъ изъ этой бездны и безчисленными путями устремляется на поприще образованности и успѣховъ въ истинѣ и добродѣтели? И пантеизмъ напрасно истощался въ усиліяхъ похитить, или исказить источникъ этой образованности и этихъ успѣховъ, такъ что эти факты всегда будутъ имѣть свою силу и значеніе и философскимъ мечтамъ никогда не удастся взять перевѣсъ надъ дѣйствительностію всѣхъ этихъ наблюденій.

Такимъ образомъ міръ нравственный, обра-

щаются ли съ вопросами къ его безднамъ при помощи психологіи, или при помощи исторіи изучаютъ движенія и событія, совершившіяся на его поверхности, относительно религіозной стороны повѣствованій Моисеевыхъ, представляетъ подтверждающія свидѣтельства, подобныя тѣмъ, какія и міръ физическій, по вопросамъ геологіи, высказалъ относительно повѣствованій Моисеевыхъ, касающихся міротворенія и всеобщаго потопа.

Да, еслибъ я захотѣлъ еще больше продолжать наблюденія и преслѣдовать по слѣдамъ истину высказанную Моисеемъ, до послѣднихъ згибовъ сердца человѣческаго, мнѣ не трудно было бы указать ее тамъ еще совершенно животрепещущую, со всѣми подробностями, наиболѣе ее отличающими и характеризующими.

У всѣхъ насъ остается, такъ сказать, оскомина на зубахъ отъ *запрещеннаго плода*, съѣденнаго нашими прародителями; и мы судорожно обращаемъ глаза, механически протягиваемъ руки къ этому дереву *разумнiя*, или *раціонализма*, который мнимымъ знаніемъ *добра и зла* убиваетъ душу, поставляя власть разума вмѣсто власти совѣсти и освѣщая сію послѣднюю только опытнымъ познаніемъ, которое имѣетъ свое начало въ земныхъ предметахъ и даетъ возможность познавать добро не иначе, какъ только при помощи багровыхъ отраженій, образующихся по преломленіи чрезъ угрызенія совѣсти. Во глубинѣ сердца нашего во всякое время слышится этотъ возмутительный противъ долга вопросъ, какъ шипеніе змія искусителя: *ужели Богъ запретилъ вамъ это?* Мы чувствуемъ, какъ мало по малу вкрадываются въ душу нашу и извиваются около ней приманки запрещенія и обольщенія удовольствія, представляющагося въ видѣ *хорошаго плода*, и наконецъ соглашаемся

на объщаніе гордости, примѣшивающейся ко всѣмъ нашимъ страстямъ: *будете какъ боги*, т. е. будете самовластными и блаженными распорядителями своей жизни и счастія, какъ вашего собственнаго дѣла. Послѣ чего слышится голосъ Бога, голосъ угрызений совѣсти, обольщеніе разсѣвается и тутъ только мы замѣчаемъ, что обнажились отъ своего достоинства, потеряли уваженіе къ самимъ себѣ: *боимся, потому что мы наги*. Вотъ столь часто случающееся съ нами повтореніе тогоже гибельнаго искушенія, которое рассказано священнымъ Бытописателемъ, и котораго всѣ мы не были чужды въ лицѣ нашихъ прародителей, такъ какъ начало нашей жизни — въ нихъ и отъ нихъ произошли всѣ мы. Чтоже тутъ невѣроятнаго, что человѣчество въ самомъ пачалѣ своего существованія пало отъ того, что и теперь представляетъ человѣка столь падкимъ и удобопреклоннымъ ко грѣху? И чего еще недостаетъ для этой тайны, если не того, чтобы она была всецѣло изъяснена, какъ ученіе, или по крайней мѣрѣ была засвидѣтельствована, какъ *фактъ*. «Загадка нашего настоящаго состоянія имѣетъ свои изгибы и узлы въ этой безднѣ, — говоритъ Паскаль, — такъ что безъ этой тайны человѣкъ представляется гораздо болѣе непостижимымъ, чѣмъ сколько эта тайна представляется непостижимою для человѣка» (*).

Послѣ того, какъ Христіанство выставило въ надлежащемъ свѣтѣ такое объясненіе природы человѣческой, мы потеряли изъ виду тотъ безвыходный лабиринтъ, въ которомъ оно прежде томилось; и когда мы предъявляемъ тѣмъ большія требованія, чѣмъ большее дано намъ удовлетвореніе отно-

(*) *Pensées*.

нительно этой тайны; то въ семь случаѣ мы требовали бы объясненія на самое объясненіе, какъ будто бы здѣсь, рѣшительно, со стороны Бога, возможно по отношенію къ намъ сдѣлать что либо иное, какъ уничтожить самыя предѣлы тайны, и какъ будто бы Богъ обязанъ сдѣлать это безъ всякаго отношенія къ нравственной пользѣ нашей, а единственно для удовлетворенія нашего разума, т. е. для возбужденія еще болѣе гордой пытливости его.

Чтобы ясно сознать цѣну этого объясненія, надобно представить себѣ, въ какомъ неразрѣшимомъ затрудненіи находился разумъ человѣческій прежде, чѣмъ дано было ему это объясненіе. Многозначительная загадка существующаго зла въ родѣ человѣческомъ приводила въ тупикъ весь древній міръ и останавливала его предъ храмомъ мудрости, какъ чудовище, поставленное у дверей, ведущихъ въ этотъ храмъ философіи. Дѣйствительно, когда всякая философія считалась искусствомъ врачевать и отвращать зло нравственное, снѣдающее родъ человѣческій; то, не зная, гдѣ источникъ этого зла, врачи могли только ошибаться въ употребленіи своихъ лечебныхъ пособій и только закрывать болѣзнь ложнымъ видомъ леченія. Такого только успѣха и достигла древняя философія. Учители и ученики ея были только эмпирики и шарлатаны. Истинный Врачъ, съ точнымъ знаніемъ болѣзни долженствовавшій употребить дѣйствительное врачество противъ нея, еще не являлся. «Исторія, говоритъ одинъ пресловутый скептикъ, есть разсказъ о страданіяхъ и преступленіяхъ человѣческихъ. Нѣтъ ни одной деревни безъ больницы и безъ висѣлицы, потому что вездѣ человѣкъ подвергается болѣзнямъ и преступленіямъ. Но почему язычники не сумѣли ничего добраго сказать

«объ этомъ? Только при помощи одного Откровенія можно разрѣшить для себя это затрудненіе» (*). «Одно откровеніе, прибавляетъ Вольтеръ, можетъ развязать этотъ великій узелъ, который только запутывали всѣ философы. Нужно слово Бога, говорящаго къ роду человѣческому; Богу только и свойственно учить свое твореніе» (**).

5) При внимательномъ наблюденіи и разсмотрѣніи всего въ жизни нашей, мы сами для себя представляемся тайною безпорядка и неустройства, ничѣмъ необъяснимою, помимо дѣйствительности грѣха первороднаго; почему тайна эта сама служитъ доказательствомъ истинности этого событія,

(*) Bayle, article Manichéens.

(**) Voltaire, poëme sur le Désastre de Lisbonne, et preface.

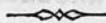
У Цицерона однакожь, по мѣрѣ его усилій проникнуть и объяснить природу человѣческую, подъ конецъ встрѣчается мысль объ этомъ, но онъ на ней не остановился, не сомнѣваясь, впрочемъ, что въ ней заключается дверь, ведущая изъ подземелья, въ которомъ онъ находился. «Природа, говоритъ онъ, въ отношеніи къ чело-вѣку представляется мачихою, не родною матерью. Она бросила сего въ жизнь съ тѣломъ нагимъ, непрочнымъ, слабымъ и немощнымъ, — съ душою, снѣдаемою заботами, убиваемою страхомъ, слабою для труда и обязанностей, поползновенною къ похотямъ и преступленіямъ; при всемъ томъ въ ней, однакожь, есть какая то божественная искра разума и вѣдѣнія, но только какъ бы заваленная мусоромъ.» *Homo non ut a matre, sed ut poverea. Natura editus in vitam, corpore nudo, et fragili et infirmo; animo autem anxio ad molestias, humili ad timores, molli ad labores, prono ad libidines: in quo tamen inesset tanquam obrutus quidam divinus ignis ingenii et mentis* (De republica, lib. II). Далѣе мы увидимъ, что Цицеронъ, при помощи преданія, поднимется нѣсколько выше и касается причинъ зла, свойства котораго онъ удачно изобразилъ.

такъ же какъ внутренніе перевороты въ природѣ физической служатъ доказательствомъ дѣйствительности всеобщаго потопа. Только при пособіи повѣствованія Моисеева о потопѣ можно объяснить для себя геологическія тайны; равнымъ образомъ только при пособіи повѣствованія тогоже Моисея о паденіи человѣка возможно разрѣшить тайну противорѣчій и бѣдствій, представляющихся въ природѣ человѣческой. Надобно броситься въ объятія Откровенія, какъ говоритъ Бэль, чтобы намъ понять и узнать самихъ себя, и о богословіи Моисея можно сказать тоже, что сказалъ Кювье о его міротвореніи, что *«оно одно согласно съ природою, одно освящаетъ и изъясняетъ ее, и обратно само себя находитъ въ ней подтвержденіе болѣе прочное, чѣмъ всѣ наши сужденія; потому что очевидность ея показанія подлежитъ нашему внутреннему чувству; и чтобы отвергнуть его, надобно завѣдомо обманывать самихъ себя.»*

Но не на одномъ указаніи причинъ нашего зла останавливается богословіе Моисеево; нѣтъ, оно также даетъ намъ видѣть и врачевство противъ него въ будущемъ возстановленіи рода человѣческаго. И въ этомъ отношеніи природа наша также служитъ къ очевидному подтвержденію ученія Моисеева, обнаруживая постоянное стремленіе къ усовершенствованію и возстановленію своего разстроеннаго состоянія,—возстановленію, начало котораго она вотще ищетъ въ самой себѣ, но которое, по ея же показаніямъ, совершено въ средѣ человечества Тѣмъ, Кто былъ какъ средоточнымъ звѣномъ, соединяющимъ два великія событія въ историческихъ судьбахъ рода человѣческаго,—Иисусомъ Христомъ. Такимъ образомъ, вся философія природы человѣческой можетъ быть сокращена и выражена въ слѣдующемъ положеніи: *человѣкъ есть*

*загадка, первое слово которой говоритъ о грѣ-
первородномъ, а послѣднее—о возстановленіи.*

Послѣ этого, мысль, что первородный грѣхъ и
искупленіе по существу своему тайны, не должна
уже останавливать насъ, такъ же какъ сверхъестест-
венный характеръ сотворенія міра и всеобщаго по-
топа не остановили заключеній геологій. Въ силу
самой естественной потребности разума человѣче-
скаго, стремящагося постигать предметы, и при
невозможности, всегда намъ присущей, достигнуть
этого вполне, мы должны съ благодарностію при-
нять эти тайны, такъ какъ онѣ освобождаютъ насъ
отъ подавляющей тяжести той тайны, которая,
какъ сказалъ бы Паскаль, сидитъ у насъ въ горлѣ,
—тайны, ближайшимъ образомъ касающейся нашей
собственной природы, и явно оправдываютъ исти-
ну, сокровенную въ ихъ существенномъ содержа-
ніи; свѣтомъ, разливающимся вокругъ нихъ, подоб-
но тому, какъ облака, совершенно закрывающія
солнечный кругъ своими мрачными боками, свидѣ-
тельствуютъ о присутствіи за ними солнца сіяні-
емъ, блестящимъ вокругъ ихъ окраинъ.

IV. ВСЕОБЩІЯ ПРЕДАНІЯ.

Философствующая древность прошла въ не-
вѣдѣніи о происхожденіи зла только вслѣдствіе
превратнаго направленія въ изслѣдованіяхъ разу-
ма человѣческаго относительно такого предмета,
гдѣ онъ могъ только теряться, когда рѣшился дѣй-
ствовать одинъ безъ всякаго руководства. Еслибы
держались путей преданія, то сохранили бы эту
истину, какъ и многія другія, потому что она все-
гда была подтверждаема всеобщимъ свидѣтельст-
вомъ рода человѣческаго.

Грѣхопаденіе перваго человѣка, переходъ отъ его поврежденія ко всему его потомству, обѣтованіе и ожиданіе Искупителя составляютъ существенное содержаніе преданій всѣхъ народовъ. И такую всеобщую извѣстностію пользуются не только общія родовыя свойства этой исторіи, но равнымъ образомъ и частныя черты, таинственная особенность которыхъ наиболѣе изумляетъ насъ въ повѣствованіи Моисеевомъ и въ догматахъ христіанскихъ, каковы: змій, жена, имъ обольщенная, одинъ изъ потомковъ жены, ожидаемый, какъ возстановитель человѣчества, и удовлетвореніе, долженствовавшее совершиться кровавымъ искупительнымъ закланіемъ невинной жертвы, принесенной въ замѣнъ человѣка грѣшника.

Чѣмъ большею особенностію отличаются эти частныя черты,—это мы будемъ имѣть возможность выставить на видъ впослѣдствіи,—тѣмъ больше убѣдительности представляетъ собою всеобщность вѣрованія въ эти предметы; и въ семъ отношеніи естественные поводы къ сомнѣнію обращаются въ основанія вѣры.

При раскапываніи этихъ древнихъ остатковъ первобытныхъ вѣрованій человѣческаго рода, надобно обращать вниманіе на тѣ поврежденія и подѣлки, какія могло внести въ нихъ воображеніе народовъ, и на ту недостаточность средствъ сохраненія, при которой они дошли до насъ. Но какъ при изслѣдованіи ископаемыхъ, геологъ, или естествоиспытатель, по нѣсколькимъ отличительнымъ частямъ животнаго, возстановляютъ цѣлую систему его устройства; такъ и мы увидимъ, что, чрезъ сближеніе нѣкоторыхъ разбросанныхъ, отличительныхъ признаковъ различныхъ преданій, можетъ быть возстановлено и внесено въ исторію нашей святой религіи цѣлое и подлинное содержаніе ихъ,

какъ средоточіе, изъ котораго вышли все эти преданія.

Предметъ этотъ, еслибы кто захотѣлъ его исчерпать, потребовалъ бы слишкомъ исключительнаго развитія, неумѣтнаго въ сочиненіи, каково настоящее, гдѣ мы предположили себѣ цѣлю достигать убѣжденія количествомъ и разнообразіемъ краткихъ замѣчаній, равно какъ ихъ важностію и силою. Поэтому намъ, для краткости, надобно останавливаться только на такихъ статьяxъ, гдѣ сущность представляемыхъ нами различныхъ выводовъ естественно будетъ удовлетворительна для всякаго ума, ищущаго только истины и умѣющаго признавать ее и прилѣпляться къ ней, гдѣ бы ее ни нашель.

Въ избѣжаніе всякаго замѣшательства и для болѣе удобнаго изложенія настоящаго изслѣдованія, мы разсмотримъ всеобщія преданія съ трехъ сторонъ, изъ коихъ первая представитъ преданія, касающіяся *паденія и поврежденія* человѣчества; послѣдняя — преданія, касающіяся *возстановленія* его; а между ими будетъ имѣть мѣсто третья, служащая связью между обѣими ими, — преданія о *жертвахъ*.

А.

Преданія о паденіи и поврежденіи человѣчества.

«Вѣрованіе, что человѣкъ есть существо падшее и поврежденное, находимъ у всѣхъ древнихъ народовъ. Любимую поговорку всѣхъ народовъ составляетъ, такъ или иначе, выражаемая мысль о первомъ золотомъ вѣкѣ: *avrea prima sata est aetas.*»
 (*) Такое признаніе Вольтера одно само по себѣ

(*) Voltaire Essai sur les moeurs, chap. IV.

стоитъ цѣлой главы доказательствъ. Поэтому мы не станемъ слишкомъ распространяться объ этой первой истинѣ.

Прежде всего представляются здѣсь преданія еврейскія. Я разумю здѣсь не тѣ преданія, которыя записаны въ священныя книги, а тѣ, которыя выставляются Иудеями, какъ изъясненіе и толкованіе народное на первыя.

Въ Талмудѣ мы читаемъ: «въ то время, когда змій вкрался въ полную довѣренность Евы, онъ впустилъ въ нее ядъ, заразившій всѣхъ ея потомковъ». Относительно природы этого змія — искушителя древнѣйшіе раввины учили, что подъ именемъ древняго змія они разумѣютъ демона *искусителя*, называемаго также *сатаною*, *зміемъ лукавымъ*, *заммаэлемъ*; а заммаэль былъ одинъ изъ Серафимовъ, возмущившійся противъ своего Творца и Господа. Въ одномъ древнемъ толкованіи: Med-gasech Hanegnelam, на слова книги Бытія: *змій же былъ хитрѣйшій*, раввинъ Иосе замѣчаетъ: «демонъ искушитель былъ этотъ змій, искушавшій человѣка. Почему же онъ названъ зміемъ? Потому что какъ змій подвигается впередъ, извиваясь, а не идетъ прямымъ путемъ; такъ и искушитель вводитъ въ обманъ человѣка лукавыми изворотами, а не прямымъ способомъ разсужденія».

Касательно перехода первороднаго грѣха ко всему роду человѣческому, въ сборникѣ преданій раввина Менальгема находимъ очень замѣчательное мѣсто, въ которомъ, при его философской краткости, высказывается все, что можно сказать объ этой великой тайнѣ: «относительно преступленія Адама и Евы не слѣдуетъ удивляться тому, что оно записано подъ печатію Царя (Бога), для вѣнеченія ихъ потомству послѣ нихъ; ибо въ тотъ день, когда сотворенъ былъ первый человѣкъ, оказалось

«уже все сотвореннымъ Поэтому Адамъ былъ по-
 «слѣднимъ предѣломъ системы міра и сокращен-
 «нымъ вмѣстилищемъ рода человѣческаго, въ зародышѣ
 «дышѣ заключавшагося въ немъ. Такимъ образомъ,
 «когда онъ согрѣшилъ,—съ нимъ согрѣшилъ и весь
 «родъ человѣческій, потому-то мы и несемъ на-
 «казаніе за его преступленіе; но не таково свойст-
 «во грѣховъ его потомковъ,—они только суть ли-
 «чные ихъ грѣхи». — Это ученіе древней синагоги
 очень сходно съ ученіемъ церкви христіанской; и
 этому не слѣдуетъ удивляться, потому что древняя
 синагога была ни что иное, какъ таже церковь
 Божія до пришествія Иисуса Христа, равно какъ
 церковь христіанскую можно назвать въ извѣст-
 номъ отношеніи синагогою послѣ времяя Иисуса
 Христа: это два склона Голгофы.

Но оставимъ народъ іудейскій, и обратимъ
 наши взоры на народы языческіе, и прежде всего
 на тѣ изъ нихъ, которые можно назвать классиче-
 скими по тѣмъ отношеніямъ, какія установлены
 между ими и нами образованностію и науками.

Невипное и блаженное состояніе, въ какомъ
 сотворенъ былъ первый человѣкъ, и потеря этого
 состоянія, находится, какъ извѣстно, у поэтовъ
 подъ образомъ *золотаго вѣка* и послѣ слѣдовав-
 шаго за нимъ *вѣка желѣзнаго*. Это исходная
 точка всякой миѳологіи.

Aurea prima sata est aetas, quae, vindice nullo,
 Sponte sua, sine lege, fidem rectum que colebat.

.
 Ipsa quoque immunis, rastroque intacta, nec ullis
 Saucia vomeribus, per se dabat omnia tellus. (*)

(*) «Первый вѣкъ, говоритъ Овидій, былъ золотой, какъ съ неба впа-
 «снадшій; въ продолженіи его хранили вѣру и правду по доброй

Ante Iovem nulli subigebant aura coloni;
 Ne signare quidem, aut partiri limite campum
 Fas erat. In medium quaerebant; ipsa que tellus
 Omnia liberius, nullo poscente, ferebat. (*)

Но какъ только человекъ потерялъ невинность, тотчасъ же, по неизбѣжному роковому приговору, отнято у него преимущество, въ силу котораго покарялась и служила ему природа; все возстало противъ него, въ наказаніе ему за то, что онъ возсталъ противъ Бога; и ему суждено оплодотворять землю своимъ потомъ.

. Pater ipse colendi
 Haud facilem esse viam voluit; primusque pur artem
 Movit agros, auris acuens mortalia corda,
 Nec torpere gravi passus sua regna veterno.

.
 Ille malum virus serpentibus oddit attris
 Praedarique lupos jussit, potumque moveri. (**)

Кажется, какъ будто Виргилій только въ стихахъ переложилъ эти величественныя, отличающіяся

«воль, хотя не было тогда ни закона, ни его защитниковъ. Да и «сама земля, дѣвственная, нетронутая, ни плугомъ, ни бороной, сама собою доставляла все (Ovid. Metamor. lib. I).

(*) «Никому кромѣ Юпитера не отщитывали золота владельцы земли, «говорить» Виргилій; имъ не нужно было отмѣчать, или отдѣлять «гранью свое поле. Все и вездѣ находили въ готовности; земля «сама собою производила все въ такомъ изобиліи, что никто ни въ «чемъ не нуждался.» (Virg. Geor. lib. I).

(**) «Самъ Отецъ опредѣлилъ намъ путь жизни тяжкій, и прежде всего «го воздѣлывать землю искусственно, чтобы заботами свѣдались «сердца смертныхъ, и даже больному за тяжелое изнеможеніе не «уступалась бы его доля. Онъ вооружилъ смертельнымъ ядомъ «страшныхъ змievъ, повелѣлъ звѣрямъ хищничать и проливаться «поту.» (Virg. Geor. lib. I).

такую строгою и убѣдительною простотою, слова Божіи: «за то, что ты сдѣлалъ, проклята будетъ земля, и ты въ продолженіе всей жизни твоей, «иначе какъ съ великимъ трудомъ, будешь до-
«бывать изъ нея себѣ пропитаніе. Она будетъ про-
«изращать тебѣ терны и волчцы, и ты будешь пи-
«таться земною травою. Въ потѣ лица твоего бу-
«дешь ѣсть хлѣбъ твой, пока возвратишься въ зем-
«лю, отъ которой ты взятъ: ибо—ты прахъ, и въ
«прахъ обратишься» (*) (Быт. 3, 17—19).

(*) Въ священныхъ книгахъ все достойно вниманія, и малѣйшее сло-
во заключаетъ высокое наставленіе. Такъ послѣднія слова приве-
деннаго текста показываютъ, что Богъ, осуждая человѣка на
смерть, перестаетъ только поддерживать его въ томъ сверхъесте-
ственномъ состояніи, въ которомъ онъ пользовался особыми пре-
имуществами. Такимъ образомъ изгнаніе изъ этого состоянія *бла-
годати* составляетъ не наказаніе телѣсное, а простое лишеніе
преимуществъ, которое, поэтому, богословы называютъ наказаніемъ
лишенія, въ противоположность наказанію положительному для
ощущенія. Черезъ это человѣкъ возвращается въ свое естественное
состояніе; онъ только *возвращается въ землю, отъ которой
взятъ и какъ прахъ обращается въ прахъ*. Съ этой то-
чки зрѣнія разсматриваемое наказаніе *лишенія*, которое одно
только соединено съ первороднымъ грѣхомъ, собственно такъ назы-
ваемымъ, поколику онъ переходитъ отъ прародителей ко всему
потомству ихъ, теряетъ большую частію ту строгость, которая,
повидимому, служитъ нареканіемъ противъ правды Божіей. Въ
этомъ отношеніи потомство Адама подобно потомству знатнаго
вельможи, который за оскорбленіе величества, вмѣстѣ съ приго-
воромъ къ смертной казни, которой онъ подвергся лично, лишень
всѣхъ правъ и преимуществъ, присвоенныхъ благородному сосло-
вію и которыми онъ пользовался по милости царя. Одно это ли-
шеніе переходитъ къ его потомству. Кровь его взятая изъ про-
стонародья и возвышенная до благородства, обращается въ тоже
простонародье.

Двѣ мифологическія басни о *Пандорѣ* и *Прометей* пользуются очень большою извѣстностію. Въ нихъ очевидно облечено въ аллегорію воспоминаніе о паденіи рода человѣческаго и объ обѣтованіи его возстановленія. *Пандора*, молодая жена, осыпанная всѣми дарами неба, приставлена была хранить какой-то ящикъ. Открывать этотъ ящикъ ей было запрещено. Не устояла она противъ любопытства, нарушила запрещеніе; и тотчасъ изъ ящика вышли всѣ роды золь и распространились по землѣ... Впрочемъ на двѣ остается *надежда*.

Прометей,—это многозначительное олицетвореніе человѣчества,—рѣшился похитить у божества его тайну. Но онъ тотчасъ былъ наказанъ за это. Привязанный къ скалѣ, онъ отданъ въ добычу злему коршуну, который непрестанно его терзаетъ; а коршунъ этотъ рожденъ *схидною*, — чудовищемъ — *полуженщиною* и *полузміемъ* (*). Но въ самомъ существѣ его наказанія еще остается *надежда на Освободителя*. — Изъясненіе послѣдней части этой басни о Прометей мы отлагаемъ подале, а здѣсь займемся только первою.

Объ эти басни о *Прометей* и *Пандорѣ*, взятая вмѣстѣ, очевидно, состоятъ въ прямой связи съ повѣствованіемъ о первородномъ грѣхѣ и о наказаніи Адама и Евы по книгѣ Бытія; но такая связь представляется гораздо очевиднѣе, когда разсматриваются ихъ частныя черты, служащія къ открытію самаго звѣна, соединяющаго ихъ съ инымъ повѣствованіемъ.

Современникъ Гомера, старецъ Гезіодъ, сохранившій первобытныя истины по лучшему мифоло-

(*) Chomprè, Dictionnaire de la Fable.

гическому источнику ихъ (*), пусть посвятитъ насъ въ тайну этого предмета.—Въ своей Теогоніи онъ говоритъ сначала о безразсудности *Эпиметей* (мы тотчасъ увидимъ, что это имя относится къ тому самому лицу, которое называется *Прометеемъ*), который съ самаго начала сталъ причиною всякаго зла между смертными обреченными на трудъ: ибо онъ первый принялъ въ супружество дѣву, созданную *Юпитеромъ* (это — *Пандора*) (**). Вотъ происхожденіе зла, и связь его съ первороднымъ грѣхомъ ясно указывается: съ самаго начала *Прометей* сталъ причиною всякаго зла между смертными, обреченными на трудъ. Какимъ образомъ сталъ причиною? Чрезъ преступленіе или преступный обманъ, fraude mala, какъ говоритъ объ этомъ *Горацій*, повторяя тоже древнее преданіе въ третьей одѣ: «Дерзкій сынъ *Іапста*, говоритъ онъ, преступнымъ обманомъ похищаетъ съ неба огонь и передаетъ народамъ. Какъ только пламя однажды было извлечено изъ своего эфирнаго вмѣстилища, болѣзненная немощь, съ цѣлою стаею неизвѣстныхъ дотолѣ бичей, охвативъ землю, и смерть, прежде, по необходимости, поздняя и медленная, ускорила свои шаги»— (***)). Въ продолженіи своей Теогоніи *Гезіодъ* перазъ

(*) Это онъ сознавалъ, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста: «Музы «Олимпа, дочери *Юпитера*, носящаго эгиду, сначала обратились «ко мнѣ съ такою рѣчью: мы умѣемъ много говорить лжи, похожей на истину, но умѣемъ, когда захочемъ, говорить также и истину.» Theog. V, 24 — 28.

(**) Theog. V. 500 и слѣд.

(***)

Audax Japeti genus

Ignem fraude mala gentibus intulit

Post ignem aetherea domo

Subductum, macies et nova februm

Terris incubuit cohors

Semotique prius tarda necessitas

Lethi corripuit gradum.

возвращается къ этой непонятной связи, поражающей всѣхъ людей за преступленіе одного и составляющей собственно тайну грѣха первороднаго. Такъ, рассказавъ о томъ, какимъ образомъ Прометей рѣшился обмануть Юпитера, предложивши ему,—такъ впрочемъ, чтобы и самому не быть замѣчену,—самую худшую часть изъ приносимой жертвы, онъ прибавляетъ: «При такой обманчивой рѣчи, Юпитеръ, обладающій безсмертною мудростію, разгадалъ его хитрость, проникнулъ въ глубину его сердца, и увидѣлъ въ немъ тѣ бѣдствія, которыя имѣли постигнуть смертныхъ людей.» Съ этого времени, всегда памятуя объ этой хитрости, онъ уже не уступаетъ неугасимаго огня смертнымъ людямъ, живущимъ на землѣ».—Другая черта очень замѣчательная—та, что этотъ человѣкъ, Прометей, котораго преступленіе открыло дверь всѣмъ бѣдствіямъ, угнетающимъ съ того времени родъ человѣческій,—первый принялъ въ супружество дѣву, созданную Юпитеромъ. Ктожъ эта была первая жена? Лучшее созданіе на пагубу, отвѣчаетъ Гезіодъ, роковое чудо, прекрасное зло; ибо эта была Пандора, которая также была причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій (*).

Множество другихъ подробностей мы пропускаемъ, какъ бесполезныхъ, и останавливаемся только на этихъ двухъ главнѣйшихъ чертахъ, характеризующихъ предметъ нашего изслѣдованія,—именно

(*) Theog. V. 549 и слѣд.,,

но: какое-то изначальное преступленіе, совершенное первымъ человѣкомъ и первую женою, и связь этого преступленія, навлекшаго кару небесную на весь родъ человѣческой... Языческая теогонія, очевидно, согласна въ семь отношеніи съ тѣмъ, что говорится объ этомъ предметѣ въ книгѣ Бытія.

Гезіодъ, одинъ изъ древнѣйшихъ рассказчиковъ по этой теогоніи, очень ясенъ относительно этого предмета; надобно даже допустить, что онъ очень пораженъ былъ имъ и самъ придавалъ ему великое значеніе, когда такъ часто обращался къ нему. Въ другой изъ своихъ поэмъ — *Труды и жизнь* онъ опять принимается рассказывать исторію о Прометѣе и излагаетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Юпитеръ, раздраженный тѣмъ, что былъ обманутъ Прометеемъ, лишилъ насъ познанія тайнъ жизни. Поэтому онъ и осудилъ людей на жестокия заботы, и скрылъ отъ нихъ огонь; но благородный сынъ Іанета, ловкій въ хищничествѣ, похитилъ его у мудраго Юпитера, любящаго играть молніями, и привнесъ людямъ въ стволѣ дурнопахучника. Тогда Богъ, собирающій облака, сказалъ съ гнѣвомъ: — сынъ Іанета, о, ты очень способенъ на все, ты радуешься, что похитилъ божественный огонь и обманулъ мою мудрость; но твое хищеніе будетъ источникомъ злополучія для тебя и людей послѣдующихъ. Чтобы отмстить за такое хищничество, я пошлю имъ гибельный подарокъ, которымъ всѣ они будутъ прельщаться въ глубинѣ души, сами питая страстную любовь къ собственному бичу. — Окончивши эти слова, отецъ боговъ и людей захохоталъ, и отдаетъ повелѣніе знаменитому Вулкану выдѣлать тѣло изъ смѣси земли съ водою, придать силу и голосъ человѣческой, образовать изъ него дѣву восхителной красоты». — Всѣ боги поднесли свои подарки

этой прелестной красавицѣ. «Юпитеръ отдаеть повелѣніе Меркурію отвести ее къ *Эпиметю* (это двойникъ Прометей, — все тотъ же первый человекъ). Эпиметей не припомнилъ на сей разъ, что Прометей заказалъ ему не принимать ничего отъ Юпитера, ни отсылать ему обратно его подарки, «подъ опасеніемъ, чтобъ они не сдѣлались пагубными для смертныхъ; итакъ онъ принялъ и узналъ зло только тогда, когда его принялъ (отсюда произошло его имя—*Эпиметей*,—имѣющее значеніе —кто узнаетъ послѣ, узнаетъ очень поздно; вмѣсто *Прометей*, — которое означаетъ *предвидящаго*)». Послѣ этого непосредственно Гезіодъ продолжаетъ: «прежде поколѣнія людей жили на землѣ, не зная ни бѣдствій, ни изнурительнаго труда, ни жестокихъ болѣзней, которыя доводятъ до старости; ибо скоро состарѣваются люди, подверженные страданіямъ. Пандора, держа въ рукахъ большую вазу, подняла съ нее крышку, и страшныя бѣдствія полились на людей. *Осталась одна надежда*; захваченная на краяхъ вазы, она не успѣла ускользнуть, Пандора опустила крышку, по повелѣнію Юпитера. Съ этого времени безчисленное множество бѣдствій появилось между людьми; земля наполнилась несчастіями и море также, болѣзни какъ бы радуются тому, что смертные день и ночь терпятъ разныя муки и страданія» (*).

Во всей этой баснѣ, безъ сомнѣнія, много безсвязнаго, несообразнаго, страннаго, причудливаго; мы не беремъ на себя труда ни соглашать, ни объяснять это; очевидно, что тутъ много принимали участія фантазія и воображеніе; но не менѣе очевидно и то, что въ сущности въ этой баснѣ есть поразк-

(*) Les Travaux et les Jours, V. 47 et suiv.

тельное сходство съ исторіею первороднаго грѣха, изложенною въ книгѣ Бытія, а такое сходство ясно доказываетъ несомнѣнную истинность тѣхъ чертъ, въ которыхъ совпадаютъ между собою та и другая. А что касается разности ихъ, то какое огромное превосходство, при этомъ сравненіи, остается на сторонѣ строгой и краткой простоты библейскаго разсказа, и какъ легко узнать, что здѣсь оригиналь и что копія, что исторія и что вымысль. Очевидно, что басня о Пандорѣ и Прометѣе не что иное, какъ искаженный разсказъ библейскій и что, по изложенію Гезіода, какъ онъ самъ говоритъ, *Музы передали ему много ложнаго, и много похожего на истину*. Впослѣдствіи мы еще болѣе дойдемъ до убѣжденія въ этомъ, когда, послѣ обозрѣнія другихъ языческихъ преданій, касающихся паденія, опять возвратимся къ этой баснѣ о Прометѣѣ, чтобы разсмотрѣть удивительную связь ея съ догматомъ объ искупленіи.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ВИДѢНІЕ — ВО СНѢ.

Въ первую недѣлю Великаго Поста нынѣшняго года, по долгу приходскаго священника, посѣщая дома прихожанъ своихъ, зашелъ я въ домъ мѣщанки А., гдѣ и услышалъ отъ нея нижеслѣдующій разсказъ.

Живу я, батюшка, въ совершенномъ одиночествѣ, такъ начала разсказъ свой мѣщанка А.; родители мои померли; изъ нихъ мать моя Е. И. года съ два какъ померла (*). Оставшись одинокою вско-

(*) Мѣщанка Е. И. А., набожная старушка, померла имѣя болѣе 80 лѣтъ отъ роду. Она владѣла яснымъ зрѣніемъ до самой смерти, свободно читала духовныя книжки, или молитвы. Она была грамотная, какъ и дочь ея А., о которой идетъ рѣчь. Замѣч. авт.

рѣ послѣ смерти матери, я скоро поняла всю горечь одиночества, и предалась тоскѣ и печали. Причиною моей тоски было то, что при жизни матери, бывало, посѣщали родные, приходили и навѣщали при старости лѣтъ ея дочери, а мои сестры, въ бесѣдѣ съ которыми нескучно проходило время; или бывало и сама покойница—мать станетъ разсказывать про старину, какъ прежде живали онѣ, и за такими ея разсказами невидно какъ и время проходило; не замѣтишь бывало какъ и сумерки наступятъ. Ночью зажигаемъ огонь, сидимъ съ нею вдвоемъ долго—до глубокой полуночи; я дѣлаю какое нибудь дѣло, а покойница мать—что либо читать станетъ, какую нибудь книжку, а я слушаю. Такъ всегда у насъ проходило время. А какъ она меня любила и сказать нельзя. Скажетъ бывало: А., какъ ты безъ меня останешься одна—горькая, когда я помру? да и заплачетъ. Я стану утѣшать, указывая на Божью помощь и добрыхъ людей, ну, она какъ будто и утѣшится моими словами. А когда мать моя стала умирать, то какъ бы предчувствуя, что я въ сиротствѣ и одиночествѣ буду жить, такъ говорила мнѣ: «А ты А., когда тебѣ одной безъ меня скучно будетъ, помолись Богу—акафистъ прочитай, какъ я тебя учила. Не тоскуй!» Когда я похоронила мать свою, родные и сестры мои, которыя прежде ходили и навѣщали насъ, вдругъ покинули нашъ домъ. Оставшись безъ всякаго посѣщенія со стороны родныхъ, я съ первыхъ же дней послѣ смерти матери моей начала скучать, и предаваться излишней печали и тоскѣ. Къ тому жъ нужно было терпѣть нужду и лишенія. Явилась необходимость своимъ трудомъ добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба, а родные не помогали мнѣ ни сколько; а вы знаете, сколь много нужно имѣть труда и заботы одинокой—беспомощной женщинѣ для

того, чтобы пріобрѣсть себѣ кусокъ. При жизни же матери моей я не имѣла такой нужды; потому что родные, хоть нѣсколько, но помогали намъ своею помощію; чѣмъ и жили мы безбѣдно.

При такихъ то скорбныхъ обстоятельствахъ, послѣ смерти моей матери, жизнь моя въ одиночествѣ, и нуждѣ какъ видите, была безотраднѣе и тяжела, мнѣ нерѣдко грустно становилось, и я нѣсколько разъ отъ печали и тоски плакала—въ одиночествѣ. Вспоминала я и родимую мою матушку, съ которою я безмятежно и покойно прожила почти весь свой вѣкъ, и которая меня такъ любила и ласкала, и до конца жизни своей заботилась обо мнѣ. Воспоминаніе объ этомъ еще болѣе терзало мое сердце, а также и то, что, не знаю отъ чего, родные меня покинули, и не только чѣмъ помочь бы въ моей бѣдности, даже не приходили утѣшить ласковымъ словомъ въ горѣ. Отъ этого то стала я, мало по малу, съ каждымъ днемъ, приходить въ уныніе и тоску; я бралась за книгу, и начинала читать молитвы. Но нѣтъ; прочитавъ нѣсколько строкъ, я бросала книгу; старалась приняться за дѣло, но и дѣло выпадало изъ рукъ. Боязнь и какая то робость, вечернею и особливо nocturno порою, мною овладѣвали; каждый малѣйшій шорохъ или стукъ вѣтра меня страшилъ и пугалъ. Отъ такого то страха, а еще болѣе отъ тоски, нерѣдко въ душѣ моей возникали мрачныя мысли; я думала, что когда люди меня оставили, то вѣроятнѣе и Богъ меня забылъ... И къ чему послѣ этого моя одинокая, тяжелая жизнь? Въ такихъ скорбныхъ мысляхъ и разстроенномъ состояніи духа, я послѣ матери моей прожила болѣе двухъ лѣтъ, и не знаю чѣмъ бы кончилась моя печально-скорбная жизнь, если бы не Угодникъ Божій, явившійся

во снѣ, не избавилъ меня отъ такой тоски. Это было вотъ какъ:

Во вторникъ на сырной недѣлѣ нынѣшняго года тоска и отчаянiе болѣе прежняго во мнѣ усилились, и я въ тотъ день отъ тоски много плакала и горевала, а дождавшись ночи, въ слезахъ такъ и заснула. И вотъ около полуночи увидѣла я слѣдующій сонъ: чудится мнѣ будто кто то неизвѣстный мнѣ подходитъ и, пробуждая меня, тихо говоритъ: что ты всё спишь? И я какъ бы встала. И что же увидѣла? въ комнатѣ моей свѣтло, какъ день; среди комнаты, вижу, стоитъ на воздухѣ икона Чудотворца Николая; риза на этой иконѣ серебряная, ярко блистающая свѣтомъ, какъ бы отъ множества зажженныхъ свѣчъ. Отъ иконы этой слышала я голосъ: «что ты все тоскуешь А.? называя меня по имени,—за чѣмъ скорбишь и печалишься? Ты жалуешься, что тебя всё оставили и забыли. Нѣтъ; я тебя не оставлю; не оставитъ тебя Господь; молись Ему, не унывай!—Проснувшись скоро, я долго размышляла объ этомъ удивительномъ снѣ, и не знала, чему приписать такое видѣнiе? Почему на тотъ же самый день утромъ, пошла и рассказала объ этомъ видѣнiи сосѣдямъ своимъ, которые, выслушавъ это отъ меня, сказали: это, А., къ терпѣнiю твоему, вотъ ты все терпишь недостатки и скорби; и посоветовали мнѣ пересказать про это видѣнiе духовному отцу. Итакъ я, дождавшись случая и увидѣвъ васъ — передаю вамъ, батюшка, про это видѣнiе, прося вашего пастырскаго совѣта и наставленiя. Впрочемъ, скажу я, со времени этого замѣчательнаго видѣнiя во снѣ, я не имѣю болѣе тоски и печали, которыя прежде со мною были.

Выслушавъ этотъ рассказъ, сказалъ я въ отвѣтъ: вотъ теперь, благодаря молитвамъ святителя

и чудотворца Николая, ты избавилась отъ тоски и печали, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отчаянія, отъ котораго ты недалеко уже была. Итакъ благодари угодника Божія—молись ему; онъ великій нашъ помощникъ и заступникъ въ напастяхъ и скорбяхъ. Онъ, вѣроятно, услышалъ молитвы покойницы—твоей матери, либо видѣлъ въ тебѣ самой еще не совсемъ погасшую искру—вѣры въ Бога, помогъ тебѣ въ твоей бѣдѣ и скорби—явившись во снѣ. Если же будетъ находить на тебя опять скорбь, то не предавайся оной, и сколь можно чаще вспоминай про это чудное явленіе иконы угодника Божія во снѣ, — и молись, и проси его помощи.. И онъ поможетъ тебѣ въ скорби: *много бо можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема* (Іак. 5, 16), говоритъ слово Божіе.

Передавая этотъ рассказъ, я желалъ съ одной стороны показать, какъ доселѣ угодникъ Божій святитель Николай ходатайствуетъ предъ Богомъ за людей находящихся въ бѣдахъ и напастяхъ; съ другой желалъ и желаю я, чтобы каждый православный христіанинъ, въ тяжкія минуты скорбей и испытаній, встрѣчаемыхъ имъ на жизненномъ пути, прибѣгалъ за помощью, въ молитвахъ своихъ, къ сему угоднику Божію.

Священникъ Іоаннъ Реморовъ.

Важная погрѣшность.

Въ официальной части № 13 Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, на страницѣ 186 въ разрядномъ спискѣ, подъ №№ 86 и 87 пропущены: *Теодоръ Добровъ* и *Александръ Альбовъ*.

Съ дозволенія цензуры. 14 Юля 1866 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Госуд. Имуществъ.